
ЕЛЕНА ЛАНЦ
Лето для ледяного принца
18+

Елена Ланц

Лето для ледяного принца

«Автор»
2026

Ланц Е.

Лето для ледяного принца / Е. Ланц — «Автор», 2026

Я приехала в проклятый дворец, чтобы вернуть к жизни погибшие сады. Но никто не предупредил, что самым безнадёжным растением здесь окажется сердце ледяного принца.Каэль Винтерхарт — холодный, высокомерный и невыносимо привлекательный правитель королевства, где уже много лет не наступает весна. Он привык повелевать метелями и людьми. А я не привыкла подчиняться.Я собиралась вырастить цветы. Вместо этого заставила принца улыбаться, ревновать и целовать меня так, словно от этого зависит его жизнь.Но чем теплее становится его сердце, тем опаснее пробуждается древняя магия под дворцом.Ведь вечная зима — не проклятие. Это защита.И чтобы подарить королевству лето, мне придётся раскрыть тайну, способную разрушить четыре магических двора.А главное — решить, готова ли я рискнуть целым миром ради мужчины, которого полюбила.

© Ланц Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Ланц
Лето для ледяного принца

ЕЛЕНА ЛАНЦ
ЛЕТО ДЛЯ

ЛЕДЯНОГО ПРИНЦА
РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Рукопись романа
2026

ПРОЛОГ
Ночь, когда остановились часы

В ночь несостоявшейся коронации Каэль Винтерхарт впервые услышал, как плачет камень.

Звук поднялся из-под мраморных плит тронного зала: тонкий, долгий, похожий на скрежет стекла по стеклу. Никто из гостей его не заметил. Придворные продолжали склонять головы, послы трёх сезонных дворов стояли под знаменами, а архимаг держал над Каэлем серебряный венец.

За окнами таял последний ноябрьский снег. До первого декабря оставалось шесть ударов башенных часов.

— Во имя Зимы, — произнёс архимаг.

Камень заплакал громче.

Каэль оглянулся на отца. Король Артур смотрел не на сына, а на узкую чёрную щель между плитами возле трона. По его лицу текла кровь из носа. Он едва заметно качнул головой.

Не принимай корону.

Каэль не успел ни спросить, ни отступить. Щель распахнулась, будто у дворца внизу открыли глаз. Пламя свечей вытянулось к полу. Один из стражников опустился на колени и засмеялся чужим, сухим смехом.

— Наконец-то, — произнёс голос, которому не нужны были лёгкие.

Артур шагнул между сыном и трещиной. Королевская мантия вспыхнула белым огнём.

— Замкни северный круг! — крикнул он.

Каэль поднял руки. Его учили управлять метелями, укладывать лёд на реки, оберегать посевы снежным покровом. Но никто не объяснял, как заморозить целое королевство. Он почувствовал в костях тысячи рек и озёр, в дыхании — каждое облако над Севером. На мгновение сознание распахнулось, и он увидел дороги, дома, открытые двери пекарен, сонных детей, яблони под первым инеем.

А потом увидел другое: под камнем ворочалось нечто громадное, лишённое узнаваемого облика. Оно тянулось к нему сразу тысячей потерянных голосов — с мольбой, яростью и голодом по миру, где ничего больше не меняется. Каэль принял это за желание уничтожить жизнь. Он не мог знать, что перед ним — искалеченная часть того, кто когда-то охранял её течение.

Каэль закрыл ладони.

Снег упал сразу на всё королевство. На дороги, поля и озёра. На чаши с дождевой водой. На колокола, которые остановились, не закончив удара. Мороз забрался в стены дворца и сковал трещину в полу.

Из-под льда донеслось последнее слово отца:

— Держи.

Когда стража прорубила дорогу в тронный зал, король Артур был мёртв. Серебряный венец лежал возле его руки. До первого декабря оставался один удар часов.

Этот удар так и не прозвучал.

Пять лет спустя Каэль всё ещё просыпался по ночам с ощущением, будто держит на ладонях тяжесть мира. И каждое утро за окном его спальни был декабрь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сады под снегом

——— • ———

ГЛАВА 1

Письмо с ледяной печатью

В день, когда Элиана Вейл получила приглашение в Зимний дворец, её любимая орхидея укусила сборщика налогов.

Справедливости ради, орхидея была не из простых. Огненная венерина туфелька имела неприятную привычку захлопывать лепестки на пальцах всякого, кто пытался посчитать её цветы. Сборщик налогов попытался трижды. На третий раз он выругался, записал в ведомость «три горшка опасной растительности» и потребовал доплату за риск.

— Она реагирует только на дурные намерения, — сообщила Элиана, перевязывая ему палец. — В прошлом месяце даже позволила соседскому коту поспать в листьях.

— Ваши растения нарушают правила содержания магических культур.

— А ваши правила нарушают законы здравого смысла. Но я не требую за это надбавку.

Сборщик удалился, хлопнув калиткой. Орхидея довольно покачала цветком.

— Ты чудовище, — ласково сказала Элиана. — И я тебя обожаю.

Её сад лежал на южном склоне городка Вереск. Вдали светились крыши Летнего двора: здесь, на землях династии Солара, даже в конце октября воздух был тёплым, виноград вызревал дважды, а дождь предпочитал приходить по расписанию. Элиана снимала маленький дом с теплицей, продавала редкие черенки лекарям и мечтала когда-нибудь выкупить землю, которую её тётка Марта когда-то арендовала для них обеих.

До мечты не хватало суммы, способной разорить не слишком богатого графа.

Поэтому, увидев на пороге посыльного в сером плаще с меховым воротником, она сперва решила, что ей опять принесли счёт.

— Госпожа Вейл? — спросил он и протянул плотный конверт.

Печать была сделана не из воска. На бумаге сверкала маленькая снежинка, которая не таяла даже под октябрьским солнцем.

В письме предлагали невозможное: должность главной хранительницы садов Зимнего дворца на один сезон с оплатой, равной пяти годам работы её теплицы. Проживание, питание и полная свобода выбора посадочного материала прилагались. Требовалось восстановить три заброшенные оранжереи и живую часть королевского сада.

— У вас ошибка, — сказала Элиана посыльному. — Я не придворная волшебница.

— Адрес верный. Ответ ожидают до захода солнца.

Он ушёл, оставив после себя на ступенях горсть снега.

Тётка Марта прочла письмо трижды, поджав губы. Она была невысокой женщиной с сильными руками пекаря и способностью молчанием заставлять людей рассказывать правду.

— Все, кто служил в этом дворце, возвращались другими, — сказала она.

— Теми, кто может заплатить за дом? Надеюсь.

— Эли.

— Я знаю. Там холод, странный принц и пять лет настоящего декабря. Но если бы придворные маги могли оживить сады, они не искали бы меня в Вереске.

Марта поставила перед ней чашку чая. На блюдце лежали два медовых печенья, хотя обычно полагалось одно: верный признак материнской тревоги.

Элиана перебирала монеты в жестяной коробке уже второй вечер подряд. Долг за участок, ремонт стеклянной крыши, счета за редкую почву — всё это складывалось в сумму, от которой хотелось закрыть глаза. Последний хороший урожай лунной мяты ушёл в аптеку города по цене ниже справедливой: у лекаря был больной ребёнок, и Элиана не смогла потребовать большего. Марта называла её непрактичной. Элиана отвечала, что непрактичность и есть её основной источник дохода — просто он не отражён в счетах.

Теперь письмо обещало свободу от долгов. Она представила новый стеклянный купол над теплицей, полки для семян, двух учеников из бедных семей и высокую калитку, которую не пришлось бы каждую весну подпирать камнем. Но стоило вспомнить не сумму, а слово «Зимний», как по спине проходил холод. В детстве она слышала баллады о Винтерхартах: будто их кровь состоит из речного льда, а слёзы превращаются в кристаллы. Потом приходили торговцы с Севера — обычные люди с потрескавшимися руками, которые просили побольше сушёных трав, потому что дома было трудно лечить простуды.

— Я еду не спасать королевство, — сказала она Марте, будто оправдываясь. — Только заниматься работой.

— Я бы на твоём месте начала с этого, — согласилась тётка. — Но тебя никогда не останавливало слово «только».

Они обе улыбнулись. Марта достала из буфета старую материнскую тетрадь, перевязанную бечёвкой, и вложила между страницами засушенный лист яблони. Элиана помнила его с детства.

— Возьми. Иногда полезно напоминать себе, откуда выросла твоя упрямость.

— От тебя, — ответила Элиана.

— Возможно. Но семена посеяла Лина.

— Ты слишком хорошо веришь в то, что всё можно вылечить.

Элиана осторожно тронула печать письма. Снег на ней зазвенел.

— Не всё. Я это давно усвоила.

Она думала о матери, которую помнила пахнущей мокрыми травами, о пустом месте за столом и о том, как однажды шестилетней девочкой попыталась вырастить из сухой ветки дерево, чтобы вернуть кого-то, кто уже не вернётся.

Марта, словно уловив её мысль, погладила её по голове.

— Тогда поезжай. Только не позволяй никому убеждать тебя, будто хорошее сердце обязано терпеть дурное обращение.

Элиана улыбнулась.

— С моим характером это будет сложно.

К вечеру она написала согласие, уложила в сундук садовые ножницы, тетрадь матери с заметками о корнях, три тёплые шали и пакет семян, которые отказывались цвести в обычной почве. Огненную орхидею пришлось оставить Марте: тётка уверяла, что сумеет её укротить.

В тот вечер, когда чемодан уже стоял возле двери, тётка Марта вспомнила ещё одну семейную привычку. Она никогда не прощалась на пороге, пока не проверит, застёгнуты ли у Элианы сапоги, хватает ли в дорогу хлеба и не спрятан ли у неё за пазухой росток, который запрещено перевозить между дворами.

— Послушай, — сказала Марта, задержав её за запястье. — Если в старых дворцах тебе начнут рассказывать, что всякая большая беда требует одной большой жертвы, сначала спроси, кто придумал это правило. И кому выгодно, чтобы ты в него поверила.

— Звучит так, будто у тебя есть конкретные претензии к старым дворцам.

Марта молча достала из ящика небольшую серебряную подвеску в форме раскрывающейся почки. На внутренней стороне были выгравированы четыре крошечные риски: зелёная, золотая, медная и белая.

— Это носила твоя мать. Лина говорила, что семя не обязано знать, каким будет дерево. Но должно помнить, что у него есть право вырасти.

Элиана провела пальцем по холодному металлу. Вещица была слишком простой для фамильной драгоценности. От неё пахло пылью, сушёными травами и чем-то неуловимо родным.

— Почему раньше не отдала?

— Потому что всё надеялась, что тебе никогда не придётся разбираться, зачем она нужна, — ответила Марта. — А теперь думаю, что скрытая правда иногда опаснее самой правды.

Они обнялись. Элиана ещё не знала, что подвеска станет первым ключом к истории, которую четыре королевских дома тысячу лет скрывали от своих народов.

На рассвете Элиана заперла теплицу. У самой двери неизвестно откуда пророс маленький белый цветок. Его листья были холодными на ощупь, а стебель упрямо тянулся на север.

— Плохая примета? — спросила Марта.

— Хорошая, — ответила Элиана, хотя не знала почему. — Похоже, меня уже ждут.

ГЛАВА 2

Дорога в декабрь

На границе Летнего и Осеннего дворов карета пересекла мост, над которым висели жёлтые листья. Они падали медленно и не касались воды. За мостом начинались поля, пахнущие яблочной кожурой, мокрой корой и дымом. К полудню следующего дня земля потемнела, ветер стал резче, и провожатый закрыл дорожное окно.

— Дальше Север, — сказал он.

Элиана вгляделась в дорожный знак. На столбе висела деревянная доска: «Добро пожаловать в земли Винтерхартов». Под надписью кто-то ножом вырезал другие слова: «У нас всегда декабрь».

Лес по ту сторону границы стоял белый. Это было бы прекрасно, если бы в белизне не было такой тишины. Ни птиц, ни шороха под листьями. Сугробы накрывали дорожные канавы, а ветви елей сгибались, словно удерживали тяжёлые крыши.

К вечеру они остановились в деревне Ледяной Брод. В трактире пахло мокрой шерстью и луком. Хозяйка, широкоплечая женщина по имени Тильда, приняла у Элианы плащ и спросила, не боится ли та северных сказок.

— Зависит от сказок. В наших рассказывают про глупцов, которые продают волшебные бобы.

— В наших глупцы открывают то, что лучше держать закрытым.

За соседним столом старик замолчал. У очага сидела девочка с замотанными в тряпки пальцами и пыталась согреть маленькую корзину с корешками.

— Что это? — спросила Элиана.

— Лекарственный сонник, — ответила Тильда. — На ноги не действует, зато снимает лихорадку. Только под снегом он почти не растёт.

Элиана достала из кармана пакетик сушёной мяты и протянула девочке. Та смотрела на неё, как на драгоценность.

— У вас в королевстве нет травников?

— Есть. Только растения всё чаще забывают, как просыпаться.

Элиана не нашла ответа. Ещё утром ей представлялся замок из сказки — из тех, где надо оживить хрустальную розу и получить в награду поцелуй. Здесь же люди пять лет топили печи почти без передышки, расплачивались сухими поленьями и учились мириться с голодом. Сказка снаружи выглядела иначе.

Ночью в трактире Элиана долго не могла уснуть. Сквозь тонкую стену доносились голоса двух возчиков. Они обсуждали дорогу, расход угля и то, как к весне пришлось бы снова разбирать старый сарай на дрова. Один сказал, что его жена больше не может смотреть на снег: она закрывает ставни, хотя в доме от этого становится ещё темнее. Второй ответил, что его сын не верит в сказки о зелёных лугах, потому что ни разу не видел их собственными глазами.

Элиана легла на спину и уставилась в тёмный потолок. Её собственные невзгоды вдруг показались маленькими. Это было несправедливое сравнение: долги и страх за будущее тоже были настоящими. Но она впервые задумалась, сколько человеческих жизней вмещает слово «погода», когда за него отвечает магическая династия.

Утром Тильда принесла в дорожный мешок кусок пирога и пакетик сухого мха.

— Для согревания корней, — сказала она. — Его собирают у горячих источников. Мало кто знает, что он не погибает на морозе, если держать его в сухом полотне.

Элиана удивилась.

— Вы разбираетесь в растениях?

— Приходится. У нас всякая хозяйка немного лекарь, немного пекарь и немного садовник. Иначе не выжить.

Она показала хозяйке свою тетрадь и попросила записать названия местных трав. Тильда вывела крупными буквами несколько слов, потом засмеялась над собственной неловкостью. Элиана не стала поправлять ошибки. Она лишь попросила, чтобы в следующий раз хозяйка рассказала о горячих источниках подробнее.

Когда карета тронулась, Элиана поймала себя на мысли: вероятно, знания о северных растениях прячутся не в королевских библиотеках, а в кухнях, где люди учатся переживать очередную зиму.

Ближе к полудню дворец показался между двумя горными хребтами: замок из серого камня, с острыми башнями и крышами, по которым сползал синий лёд. У ворот стояли четыре каменные фигуры, изображавшие времена года. Весна держала ветку, Лето — солнце, Осень — чашу с плодами, Зима — закрытую ладонь. На шее у каждой фигуры был след от когда-то сорванной цепи.

Ворота открылись без скрипа. Элиана подумала, что даже железо здесь научилось молчать.

Её встретил мужчина средних лет в безукоризненном тёмном сюртуке. Серые волосы были зачёсаны назад, голос казался вежливым до последней пуговицы.

— Лорд Сорен Фелл, управляющий дворцом. Надеюсь, дорога была удобной.

— Если не считать того, что у нас дважды замерзала вода в чайнике и однажды пришлось откапывать колесо, безупречной.

Он моргнул. На долю секунды лицо его сделалось человеческим.

— Боюсь, его высочество не любит сюрпризов.

— А я не люблю холодные ужины. Посмотрим, кто из нас уступит первым.

Сорен провёл гостью по коридорам. Под потолком свисали стеклянные светильники, но половина из них не горела. На коврах лежали серебристые полосы инея. Дворец не выглядел заброшенным: всё было чисто, дорого и болезненно аккуратно. Просто никто здесь будто не смел оставить собственный след.

У лестницы Элиана увидела пустую нишу с пыльным кругом на месте большого предмета.

— Здесь стояли цветы? — спросила она.

— Раньше, — ответил Сорен и прибавил шагу.

В конце длинной галереи распахнулись двери кабинета. Мужчина за письменным столом не поднял головы сразу. Серебристые волосы были коротко собраны лентой на затылке, чёрный

камзол сидел без единой складки. Под лампой лежали донесения о заготовке дров, списки больных и свёртки бумаг с королевскими печатями.

Принц Каэль Винтерхарт поставил подпись. Лишь затем посмотрел на гостью.

— Госпожа Вейл. Вы опоздали на двадцать семь минут.

Элиана увидела глаза цвета зимнего моря и вдруг поняла, почему вокруг него не было ни одного живого цветка.

— Ваше высочество, — произнесла она, — если бы декабрь хоть раз закончился вовремя, я приехала бы раньше.

Сорен за её спиной издал звук, похожий на подавленный кашель.

Принц медленно отложил перо.

ГЛАВА 3

Шесть правил и одна лейка

С первой встречи Элиана усвоила две вещи: принц Каэль не умел улыбаться по обязанности и терпеть не мог, когда его перебивали.

— Ваш договор, — сказал он, подвигая лист. — Допуск в три оранжереи. Запрет посещать западное крыло после девяти. Запрет на использование открытого огня возле старых стен. Запрет входить в подземные помещения. Запрет применять магию у тронного зала. И, разумеется, никакого вмешательства в распорядок дворца.

— «И, разумеется» — это шестое правило?

— Это здравый смысл.

Свет из высокого окна падал принцу на лицо под таким углом, что серебристо-белые волосы казались почти прозрачными. Каэль был выше Элианы почти на голову, широк в плечах, но двигался с экономной осторожностью человека, который привык измерять даже собственные жесты. Серо-голубые глаза на мгновение задержались на её пальцах, испачканных чернилами и садовой землёй. Не презрение — скорее недоумение, словно он никогда не встречал человека, готового явиться на аудиенцию с землёй под ногтями.

Элиана заметила маленький светлый шрам возле его скулы. Эта неидеальная подробность неожиданно разрушила впечатление безупречной ледяной статуи. Она уже собиралась спросить, откуда он взялся, но передумала: если начать знакомство с подобного вопроса, её наверняка отправят домой до ужина.

Каэль, в свою очередь, ожидал увидеть почтительную выпускницу Южной академии. Перед ним стояла девушка с густыми каштановыми волосами, поспешно стянутыми лентой, с веснушками на переносице и карими глазами, в глубине которых поблёскивали золотистые точки. В ней не было придворной плавности. Зато она смотрела прямо, не пряча ни собственного недовольства, ни любопытства. Принц поймал себя на том, что хочет продолжить разговор, хотя уже опаздывает на совет. Это было крайне досадно.

— Тогда его нужно вынести отдельно. По моему опыту, он встречается реже магических растений.

Она взяла перо и добавила на свободном поле: «Заказчик предоставляет работнику тёплую воду, съедобную пищу и помещение, в котором можно жить без риска превратиться в сосульку».

Каэль посмотрел на приписку.

— Вы меня шантажируете?

— Веду переговоры. Шантаж обычно стоит дороже.

Казалось, на миг он собрался выставить её за дверь. Но потом произнёс:

— Вы получили рекомендательные письма от пяти лучших ботаников Юга. Хотелось бы верить, что у вас есть и другие достоинства, кроме способности спорить.

— Их целый сад, ваше высочество.

Он подписал договор. Чернила на кончике пера покрылись крошечным инеем.

Сорен отвёл её в восточное крыло. Комната была просторной, с резным шкафом, медной ванной и высоким окном, за которым медленно падали снежинки. В камине лежали холодные дрова. Элиана положила ладонь на решётку, и рядом с ней заискрился маленький зелёный росток.

— Здесь действительно ничего не горит? — спросила она.

— Горит, — отозвался Сорен. — С осторожностью. Старый лёд не любит резких перемен температуры.

— Лёд может не любить что угодно. Я всё же склоняюсь на сторону живых.

Первую оранжерею она нашла за восточной галереей. Стёкла были целы, но изнутри покрыты белыми узорами. Под снегом угадывались дорожки, горшки стояли ровными рядами, словно посуду после похорон разложили по размерам. В центре возвышалось мёртвое дерево, чьи корни были вмурованы в ледяную чашу.

Прежде чем коснуться дерева, она прошла между рядами горшков. На большинстве висели старые латунные таблички. «Чёрная морозная роза». «Летний колокольчик». «Голубая слива для королевской кухни». Названия звучали как приглашения в дом, из которого давно ушли хозяева. Элиана осторожно поднимала сухие листья и искала под ними хоть малейший признак жизни. Некоторые корни рассыпались в прах, другие оставались гибкими и крепкими, словно ждали нужного дня.

Она обрадовалась последним. Не громко — просто стала дышать свободнее. Семена могли потерять всхожесть, древесина могла сгнить, но корни иногда переживали даже долгую беду. Вдоль северной стены ей попался ящик с обугленными стеблями. На табличке был выведен год несостоявшейся коронации. Элиана долго смотрела на эту дату и впервые почувствовала, что оранжерея — не склад мёртвых растений, а своеобразный календарь катастрофы.

Ей хотелось найти человека, который ухаживал здесь за цветами раньше. Узнать, кто любил розы, кто подрезал голубую сливу, кто выбрал место для центрального дерева. От пустоты веяло не только морозом: в ней чувствовалось насильственное забвение.

— Я не обещаю вернуть всё, — сказала она тихому помещению. — Но постараюсь, чтобы у вас снова были имена, а не только номера в старых описях.

Элиана сняла перчатку и прикоснулась к коре. Внутри ничего не шевельнулось.

— Прости, что я не успела сюда раньше, — сказала она замёрзшему дереву.

Где-то у дальней стены послышался шорох. Из-под лавки выбрался крошечный зверёк, похожий на помесь горностая и снежного облака. На его спине торчали хрустальные иглы.

— Так вот кто здесь живёт.

Зверёк обнюхал её ботинок и с явным презрением чихнул серебряной пылью.

— Мне тоже приятно, — ответила Элиана.

Она наметила работу: убрать повреждённые растения, проверить землю, восстановить водопровод, отыскать хоть один живой корень. В перечне дел последним значилось: «Переубедить принца, что цветы не враги государства».

К вечеру, когда стемнело, ей удалось достать из-под ледяной корки горшок с неприметной луковицей. Она принесла его к себе, укутала шерстяным полотенцем и поставила у очага, который наконец разожгла горничная.

— Вы надеетесь, что он прорастёт? — спросила девушка. Её звали Нора, и на левом запястье у неё красовался обожжённый след старой печати.

— Нет, — ответила Элиана. — Я собираюсь сделать так, чтобы ему захотелось.

Ночью она проснулась от стука. На подоконнике стоял тот самый снежный зверёк. Он держал во рту её садовые ножницы.

— Это уже нарушение правил проживания, — предупредила Элиана.

Зверёк кинул ножницы и указал носом на горшок.

В темноте из земли вытягивался тонкий зелёный стебель. А за дверью комнаты, на каменном полу, впервые за много лет растаяла маленькая капля воды.

ГЛАВА 4

Завтрак, на котором никто не смеялся

О существовании придворного завтрака Элиана узнала от Норы, которая разбудила её в семь часов и предложила платье цвета утренней изморози.

— Нет, — сказала Элиана, натягивая тёплые чулки. — В этом платье я буду похожа на запертую в стакане сосульку.

— Его высочество любит порядок.

— А я люблю колени, которые можно согнуть.

В итоге она явилась в столовую в шерстяной юбке, сапогах и зелёном жилете. Двадцать четыре человека за огромным столом сидели почти беззвучно. Лорд Сорен читал сводку о поставках угля, капитан дворцовой стражи Илвар Роан методично резал хлеб, а принц изучал карту с заледеневшими дорогами.

Элиана села на единственный свободный стул рядом с ним.

— Доброе утро.

В ответ прозвучало шуршание бумаги.

— У вас сегодня хорошая погода, — продолжила она. — Снег падает почти вертикально. По здешним меркам это, наверное, жара.

Илвар поперхнулся чаем. Принц поднял взгляд.

— Вы всегда разговариваете во время еды?

— Не всегда. Иногда ем молча и разговариваю после.

Он вернулся к карте. Элиана попробовала кашу, слабо пахнущую корицей, и с тоской вспомнила тёткины булочки.

— Кто отвечает за кухню?

— Я, — раздался густой голос у дверей.

Женщина с седой косой и закатанными рукавами стояла, сложив руки на груди.

— Тогда нам надо поговорить, — сказала Элиана. — Ваш хлеб великолепен. А вот каша явно кого-то ненавидит.

У поварихи дрогнули губы. Илвар демонстративно закашлялся снова.

— Госпожа Вейл, — холодно произнёс принц, — вам поручено восстановление оранжерей, а не исправление вкусов моего двора.

— Именно. Но растениям нужна зола, а людям — завтрак, после которого не хочется лечь в снег. Всё связано.

Когда она ушла, в столовой установилась прежняя тишина, но уже не такая ровная. Принц впервые заметил, что кто-то из слуг улыбается, пряча лицо за кофейником.

После завтрака Агата остановила Элиану возле кухни. В руках у неё была глиняная миска с подрумяненными яблоками.

— Вы вчера критиковали кашу, — сказала повариха.

— Старалась сделать это конструктивно.

— Вы назвали её обиженной на жизнь.

— Это была очень точная характеристика.

Агата поставила миску на стол. Кухня жила по своим законам: здесь трещали печи, гремели кастрюли и пахло настоящей работой. Тёплый пар поднимался к низкому потолку, на лавках лежали мешки с мукой, а под окном сушились связки редкой северной зелени.

— У нас не хватает свежих трав, — сказала Агата. — Сухие запасы портятся от сырости. Я бы многое отдала за обычный укроп.

Элиана попробовала яблоки и тут же попросила вторую ложку.

— Давайте договоримся. Я обеспечу вам укроп, петрушку и то, что успеет вырасти. А вы научите меня делать такие яблоки.

Агата прищурилась.

— Мы можем заключить сделку без письменного разрешения принца?

— Боюсь, иначе придется привлечь казначейство, и укроп подорожает вдвое.

Повариха расхохоталась. Так у Элианы появилась первая союзница во дворце — женщина, которая не боялась спорить с начальством, потому что однажды уже спасла короля от недожаренной утки.

В тот день Агата выдала ей кружку горячего супа прямо в оранжерею. На кружке была надпись «Не забывай есть». Элиана решила, что надпись очень пригодилась бы её будущим ученикам.

Днём Элиана занялась первой оранжереей. Илвар прислал двух солдат помочь с льдом. Она заставила их отложить кирки: лёд вокруг корней нельзя было бить. Вместо этого они переносили горшки, снимали рухнувшие полки и разводили под стеклянным куполом безопасные жаровни с каменным экраном.

Через час появился Каэль.

— Кто разрешил разжечь столько огня?

— Я, — ответила Элиана.

— У вас нет таких полномочий.

— Зато есть полномочия садовника. Без тепла семена не всходят.

Принц подошёл к стёклам. Пальцы едва коснулись рамы, и по ней сразу пробежал иней.

— Достаточно одного треснувшего узла, чтобы старый лёд пошёл вглубь фундамента. Вы не понимаете, с чем имеете дело.

— Тогда объясните.

Он молчал. Под его рукавом вспыхнул тонкий синий узор — будто незримая нить натянулась на коже.

— Погасите два очага, — произнёс он наконец. — Остальные оставьте под присмотром. И никого не пускайте к северной стене.

Это было похоже на уступку. Элиана кивнула, а когда он отвернулся, заметила, как устало он опёрся ладонью о каменный столб.

Вечером она нашла на пороге своей комнаты корзину с хлебом, сыром и маленькой баночкой варенья. Нора уверяла, что не знала, кто её принёс. Зато на ручке корзины белела серебряная снежинка — знак личной кладовой принца.

Элиана поставила варенье на подоконник и не смогла удержаться от улыбки.

На следующее утро в столовой стояла миска каши с печёными яблоками. Никто не упоминал, кто приказал изменить рецепт.

ГЛАВА 5

Земля, которая помнит лето

Первый настоящий росток не появился по волшебному взмаху руки. Для него понадобились три дня, пять ожогов от ледяных игл, два сломанных инструмента и одно отчаянное решение Элианы проверить землю под мёртвым деревом.

Её маленький зверёк поселился в складке садового фартука. Нора назвала его Инеем. Имя он принял настолько благосклонно, что немедленно украл серебряную пуговицу с её платья.

Под ледяной чашей дерева обнаружилась другая почва — тёмная, удивительно рыхлая, пахнущая летним дождём. Когда Элиана погрузила в неё пальцы, на ладони выступили буквы, написанные незнакомой вязью. Она моргнула, и буквы исчезли.

— Сорен, — позвала она управляющего, проходившего по галерее. — Кто посадил здесь это дерево?

— Старые садовые летописи не сохранились.

— А кто уничтожил остальные цветы?

Он посмотрел на корни.

— Их не уничтожали. Они замёрзли в первую ночь.

— Это разные вещи, — сказала Элиана.

Он не возразил, но по тому, как быстро ушёл, она поняла: Сорен знает больше, чем говорит.

Она посадила в найденную землю семя солнцецвета. Это было редкое растение, способное хранить тепло в лепестках, но оно росло лишь там, где чувствовало смену сезонов. Элиана принесла мешочек с юга на удачу. Теперь, закрыв глаза, ощутила у себя под руками движение невидимых корней — не одного семени, а сотен тысяч, уходящих под дворец.

— Проснись, — шепнула она.

Земля откликнулась. Не привычной волной роста, которой она помогала цветам дома, а чем-то гораздо более глубоким. На мгновение Элиане показалось, будто под садом бьётся большое медленное сердце.

Семя раскрылось. Два листочка, цвета свежего мха, потянулись к свету.

В тот же миг далеко под полом раздался тяжёлый удар.

Иней вскочил на её плечо и зашипел. Лёд на колонне раскололся на ширину волоса.

— Назад! — прогремел мужской голос.

Каэль возник у входа прежде, чем Элиана успела повернуться. Он вытянул руку, и по полу прошла волна синего сияния. Трещина остановилась. В стеклянном куполе послышался звон — каждый кусочек инея дрожал.

Принц схватил Элиану за локоть и оттянул от чаши.

— Вы обещали соблюдать правила!

— Я ничего не нарушила. Я посадила семя!

— Здесь не бывает просто семян!

Его пальцы обжигали холодом даже через ткань. Элиана вырвалась.

— Вы снова кричите вместо того, чтобы рассказать мне правду.

Он уже собирался ответить резко, но увидел в её руках раскрытый росток. Вся злость будто утратила силу. Каэль смотрел на два маленьких листочка так, словно забыл, как дышать.

— Оно живое, — сказал он почти беззвучно.

— Разумеется.

— Я не видел здесь зелёного пять лет.

Элиана осторожно опустила горшок на стол.

— Тогда, ваше высочество, думаю, следует начать с того, чтобы не пугать его хозяином.

В ту ночь внизу дворца кто-то или что-то снова ударило по каменным сводам. Каэль не спал до рассвета. Он сидел перед картой Северного двора и смотрел на тонкую зелёную точку, неожиданно вспыхнувшую в магическом круге дворца.

Там, где пять лет существовал только холод, теперь было семя.

И впервые он не знал, радоваться этому или бояться.

ГЛАВА 6

Люди за воротами

В Ледяной Брод Элиана отправилась без разрешения принца. Формально договор не запрещал покидать дворец днём, а необходимость купить саженцы и поговорить с местными травниками казалась ей достаточным основанием.

С ней поехали Нора и Илвар, который неожиданно вызвался сопровождать дам вместо того, чтобы послать обычный патруль. Элиана подозревала: капитану наскучило смотреть, как она и принц спорят через разные концы коридора.

В деревне дым из труб поднимался сизыми столбиками. На площади продавали не цветы, а мешочки с высушенными корнями, сосновые иглы и камни для нагрева воды. Лавочница признала Элиану сразу: «Та, что остановилась у Тильды и отдала ребёнку мяту».

— Меня зовут Беата, — представилась она. — Если сумеете заставить расти хотя бы обыкновенный лук, я расскажу о вас всем четырём дворам.

Элиана осмотрела несколько гряд под навесом. Земля была не мёртвой — она спала, сжимаясь под слишком долгим морозом. Сильная магия роста могла бы заставить её родить урожай, но истощила бы корни окончательно.

— Нужно не чудо на одну неделю, — сказала она, — а тепло, которое можно удерживать. Компост, покровные рамы, трубы от пекарских печей. И капля моей магии — там, где она действительно нужна.

Илвар слушал и делал пометки на обратной стороне приказа о снабжении. Нора улыбалась: до этого она думала, что слова «почвенный покров» могут быть только частью скучной лекции.

По дороге к дому лекаря Элиана задержалась у сапожника. Мастер пытался починить ботинки мальчика, у которого пальцы давно выросли за пределы старых носков. Сапожник предложил использовать чужую пару, но та оказалась слишком широкой. Элиана вспомнила, сколько денег ей обещали за восстановление дворцовых садов, и почувствовала неприятную тяжесть.

— Мне нужны крепкие сапоги для работы, — сказала она мастеру. — А ещё две маленькие пары. Запишите на мой счёт.

— Вы не обязаны, госпожа, — ответил он.

— Знаю. Поэтому и прошу.

Нора смотрела на неё с тихим удивлением. В дворце привыкли к благотворительным указам: люди получали помощь после печати, списка и подписи. Здесь всё решилось без бумаги. И всё-таки Элиана попросила Нору записать имя сапожника и стоимость кожи: щедрость была приятной, но она хотела, чтобы у людей появилась работа, а не вечная зависимость от подарков.

Рядом с лавкой лежали сложенные в ряд старые оконные рамы. Их собирались пустить на растопку. Элиана осмотрела дерево, проверила стёкла и попросила Илвара отложить рамы для будущей теплицы. Капитан удивился:

— Разве из старых окон можно сделать что-нибудь полезное?

— Из них можно сделать место, в котором зима перестанет быть единственной хозяйкой.

Тогда она ещё не знала, сколько таких рам найдётся в деревнях, но впервые увидела практическую сторону будущего: не великое заклинание, а множество маленьких решений, которые люди способны повторять сами.

К полудню они заглянули в дом лекаря. Мальчик с красными щеками от лихорадки спал у очага. Его мать прошептала, что раньше лечила детей настоем сонника, но последний корень нашли месяц назад.

Элиана попросила чашку, щепотку золы и кусок старой ткани. Вытащила из сумки единственную живую луковицу сонника, которую берегла с Южного двора, и посадила её в глиняную миску.

— Я не могу обещать, что она поможет всем, — предупредила она. — Но покажу, как срезать листья, не губя растение.

Тонкие побеги расправились у неё под ладонями. Мать мальчика закрыла лицо руками.

Выйдя из дома лекаря, Элиана заметила девочку в толстом, явно чужом пальто. Та сидела на приступке сапожной мастерской и старательно рисовала углём на деревянной дощечке круг с неровными лучами.

— Что это? — спросила Элиана.

— Солнце, — ответила девочка. — Только у меня нет жёлтого. Меня Мира зовут. А вас?

Элиана присела рядом. Мире было четыре; она родилась уже после той ночи, когда Север застыл в декабре. Настоящее солнце ребёнок видел только сквозь белёсые тучи, а картинки с цветущими лугами считал выдумками южных торговцев.

— Я Элиана. А почему у тебя здесь нарисован зонтик?

— Это дерево летом, — уверенно объяснила Мира. — Мама говорит, у деревьев тогда вместо снега вырастают зелёные платочки. Это правда?

Элиана почувствовала, как у неё болезненно сжалось горло. На юге она жаловалась на дождь и упрямые сорняки. Здесь ребёнок просил доказательства существования листьев.

— Правда. И деревья шелестят. Если ветер проходит по саду, кажется, будто кто-то шепчется.

— А можно мне однажды услышать?

— Я не знаю, когда на Севере снова будет весна, — ответила Элиана. Ей не хотелось дарить обещание, которое не сможет выполнить. — Но могу показать тебе, как её ждать.

Она достала из сумки крохотный горшочек, насыпала туда земли, которую взяла из тёплой теплицы, и посадила семечко обыкновенного одуванчика. Никакого заклинания. Только земля, вода и терпение.

— Пока не взошёл, можно разговаривать с ним, — сказала она. — Не потому, что это нужно растению. Просто иногда полезно говорить вслух, чего ждёшь.

Мира прижала горшок к груди так осторожно, словно получила младшего брата. А потом спросила:

— А принц тоже когда-нибудь видел лето?

— Видел, — ответила Элиана. — И, может быть, просто забыл, какое оно красивое.

Позже она внесла Мирино имя в свои записи о деревенских теплицах. Рядом, вместо медицинского диагноза или количества дров, написала: «Показать ей первый настоящий лист».

На площади Элиану остановили трое мужчин. Один, староста, сказал:

— Вы напрасно даёте людям надежду. Когда вы уедете, зима останется.

— Возможно. Но если они научатся растить еду сами, им станет немного легче.

— Вы не знаете нашего принца.

— Знаю достаточно, чтобы понимать: ему тоже нелегко.

Мужчина усмехнулся без радости.

— Когда в доме холодно, не очень утешает, что во дворце тоже мёрзнут.

Элиана не спорила. Она только запомнила его слова.

Обратно они ехали затемно. Перед дворцом на ступенях их ждал Каэль, без плаща и перчаток, словно не замечавший метели.

— Вы уехали без охраны, — сказал он.

— Со мной был ваш капитан. Он, по-моему, довольно убедительная охрана.

— Речь не об этом.

— Тогда о чём? — Элиана устало спрыгнула с подножки. — Я увидела детей, которые не помнят зелёной травы. Лекаря, у которого закончились травы. Людей, которые сжигают мебель, чтобы пережить январь, хотя у них уже пять лет декабрь. Что именно мне следовало не видеть?

Ветер откинул серебристую прядь с его лба. Каэль долго молчал.

— Думаете, я этого не знаю?

— Я думаю, что вы настолько боитесь ошибиться снова, что не позволяете никому помочь вам сделать хоть что-нибудь правильно.

Он отвернулся первым.

Позднее, когда Элиана приготовилась к очередному холодному ужину, Нора принесла приказ. Из королевских запасов выделяли древесный уголь деревенским печам, а в восточной галерее открывали мастерскую утеплённых теплиц. Под документом стояла подпись Каэля.

Элиана улыбнулась краешком рта.

— Значит, иногда он всё-таки слушает.

— Слушает, — согласилась Нора. — Только потом долго делает вид, что идея была его.

ГЛАВА 7

Гостеприимство по приказу

На третий день после поездки в Ледяной Брод принц пришёл в оранжерею с подносом.

Это было настолько невероятно, что Элиана сперва решила, будто Сорен нанял актёра. Каэль стоял на пороге в тёмной рубашке без камзола, с лицом человека, совершившего государственное преступление. На подносе лежали чайник, две чашки и блюдо с ещё тёплыми булочками.

— Кухня сообщила, что вы забыли обед, — произнёс он.

— И вы решили арестовать меня за нарушение режима питания?

— Я решил, что изнурённая садовница бесполезна.

— Тогда поставьте поднос сюда. Будем спасать королевство от моей бесполезности.

Он поставил поднос на край стола, но не ушёл. Элиана протянула ему чашку. Принц посмотрел на неё так, будто та предложила ему поднять мятеж.

— Вы не обязаны оставаться, — сказала она, — но чай от этого не станет менее вкусным.

Он сел на табурет, который был явно слишком низким для его роста. Подогнул длинные ноги и отчаянно уставился в чашку. Элиана великодушно сделала вид, что ничего необычного не происходит.

За стеклом медленно кружился снег. Внутри пахло влажной землёй и древесным углём. В маленьком ящике уже зеленели листья сонника, будущие саженцы для деревенских теплиц.

— Капитан Роан сообщил о вашем предложении использовать тепло пекарен, — сказал Каэль. — Мы начали строить первые три установки.

— Только три?

— Ваша привычка просить всё сразу когда-нибудь разорит казну.

— А ваша привычка ждать идеальных условий когда-нибудь разорит людей.

Он опустил взгляд.

— Это справедливо.

Элиана удивилась больше, чем если бы он внезапно расцвёл розами. Ей хотелось спросить, что с ним случилось, но она побоялась спугнуть редкое проявление здравого смысла.

— Сколько у вас было садов до зимы? — спросила она.

— Семь. Восточные оранжереи, фруктовый склон, розовый двор, аллея молодых лип, зимняя галерея под стеклом и ещё два участка вдоль озера.

— Вы их помните.

— Я вырос здесь.

В его голосе не было упрёка, и от этого ответ прозвучал особенно грустно.

— А теперь? — спросила она.

— Теперь люди учатся жить без них.

Элиана подняла со стола горшок с солнцецветом. Росток уже обзавёлся третьим листом.

— Может быть, им пора научиться чему-то другому.

Каэль осторожно протянул руку, но остановился в нескольких сантиметрах. Элиана видела, как его пальцы напряглись: он боялся погубить цветок прикосновением.

— Можно, — сказала она.

— Моя магия замораживает живое.

— Тогда мы начнём с листика, а не с целого леса.

Она взяла его ладонь. Кожа была прохладной и сухой. Когда его палец коснулся листа, зелень покрылась серебряной пылью — но не погибла. Наоборот, по краям проступили крошечные сверкающие жилки.

Каэль резко отнял руку.

— Видите? — произнесла Элиана. — Даже вашему холоду можно найти применение.

Он смотрел на неё так пристально, что она первой отвела глаза.

Вечером принц распорядился внести в кабинет диван, стоявший прежде в южной гостиной. Сорен, привыкший к тому, что его господин спит за письменным столом, осторожно спросил о причине.

— Сидеть там неудобно, — ответил Каэль.

Управляющий не стал уточнять, что за пять лет этот факт почему-то не беспокоил владельца кабинета.

В последующие дни Элиана стала замечать в распорядке дворца удивительную перемену. Если её работа задерживалась до вечера, из кухни обязательно приносили ужин на двоих. Сначала второй прибор объясняли ошибкой. Затем — старинной традицией. На третий раз принц лично появился у двери оранжереи и заявил, что ему необходимо проверить смету на покупку стекла. Смета, которую он держал, была подписана ещё утром.

— И как состояние стекольного фонда? — спросила Элиана, не поднимая глаз от рассады.

— Удовлетворительное.

— Значит, вы пришли поесть со мной.

Он помолчал, потом аккуратно положил бумаги на свободный стул.

— Возможно, государству полезно иногда наблюдать за работой на местах.

Она не засмеялась. Просто подвинула ему тарелку. В глазах Каэля на мгновение отразилось такое облегчение, что у неё сжалось сердце. Он умел требовать отчёты, принимать присяги, отвечать за чужие жизни. Но обыкновенное приглашение к столу почему-то казалось ему поступком, для которого требовалась храбрость.

Ели они не торопясь. Элиана рассказывала про южный рынок, где торговцы спорили с лунными маками о цене, а Каэль — про свой первый урок фехтования. Он признался, что однажды нарочно проиграл мальчику из дворцовой конюшни: тому очень хотелось показать отцу новую медаль. За признанием последовало короткое недовольное молчание.

— Вы сейчас разрушили моё представление о вас, — заметила она.

— Надеюсь, в пределах допустимого ущерба.

— Я считала, что вы в детстве сразу родились в короне и с перечнем распоряжений.

Каэль чуть заметно улыбнулся. Элиана впервые поймала себя на желании вызвать эту улыбку ещё раз — не ради победы в споре и не ради веселья прислуги, а исключительно потому, что ему самому она была к лицу. Она мысленно одёрнула себя: у него был дворец, проклятие и слишком много причин никого не подпускать. У неё — работа и надежда однажды вернуться домой. Никакого места для глупостей. Но когда Каэль уходил, она пожалела, что вечер закончился.

ГЛАВА 8

Книга, которой не было в каталоге

Библиотека Зимнего дворца занимала три этажа. Элиана вошла туда в поисках справочника по северным лишайникам, а вышла через четыре часа с головной болью, десятком записей и убеждением, что кто-то сознательно уничтожил сведения о королевских садах.

В обычных ботанических книгах страницы были целы. Но в каждом томе, касавшемся рода Винтерхартов и северной почвы, отсутствовали главы. Где-то их вырезали ножом, где-то вырвали целиком. На полке с дворцовыми описями зияла пустота размером в двадцать книг.

— Мыши? — предположила Нора.

— Очень образованные, — ответила Элиана.

Иней забрался на край каталожного шкафа и чихнул. Из щели выпал узкий лист, покрытый старинными обозначениями. На нём были нарисованы четыре дерева с корнями, сходившимися в одну точку под знаком, похожим на раскрытый глаз.

Элиана провела по линиям пальцем. Где-то внутри неё отозвалось знакомое, тревожное биение.

— «Четыре венца над одним корнем», — прочитала Нора, разбирая почерк. — «И пока они сменяют друг друга, подземный голод спит».

За спиной раздался голос:

— Этой полке давно требуется уборка.

Сорен стоял у дверей. На его лице застыло выражение почти ласковой вежливости, какое появляется у взрослых, застигших ребёнка над опасной книгой.

— Госпожа Вейл, в нижнем каталоге нет ничего полезного для ваших оранжерей.

— Странно, я нашла рисунок сада, который расположен прямо под оранжереей.

— Схемы старых фундаментов часто ошибочны.

Он протянул руку за листом, но Элиана не отдала его сразу.

— Кто приказал вырезать страницы?

— Не вам задавать такие вопросы.

Впервые его голос стал жёстким. Нора вздрогнула. Сорен тут же опустил руку.

— Простите. За последние годы мы научились осторожности, хотя иногда она выглядит неприветливо.

Элиана спрятала лист в карман фартука.

— У меня странный опыт с осторожностью. Обычно она приходит вместе с отсутствием ответов.

Под самой дальней полкой обнаружилась ещё одна странность. Каталог сообщал о дневниках королевы Анны Винтерхарт, но на месте всех восьми томов стоял только пустой футляр. Деревянная крышка была открыта недавно: на серой пыли виднелся след пальцев, а одна застёжка была заботливо выправлена.

— Нора, — спросила Элиана по дороге из библиотеки, — кто отвечает здесь за старые архивы?

— Лорд Сорен. Ещё когда вы были детьми... то есть, прошу прощения, когда принц был маленьким, он читал ему вслух исторические хроники. А после смерти королевы Анны почти заменил ему наставника.

— И все книги без страниц проходят через его руки?

Нора замедлила шаг. В ответе её было больше верности, чем уверенности.

— Сорен никогда не сделал бы ничего во вред принцу.

— Возможно, — сказала Элиана. — Но люди иногда вредят друг другу именно тогда, когда уверены, что спасают.

После ужина она спросила Илвара о старых хрониках. Капитан сидел в караульной с сапогом на колене и латал разошедшийся шов.

— До начала зимы король Артур собирал учёных из всех четырёх дворов, — сказал он. — Потом приказал закрыть нижнюю библиотеку. А в ночь коронации погиб.

— Почему Каэль до сих пор принц?

— Потому что коронация не завершилась. И потому что он не позволит кому-нибудь повторить ритуал.

— Как вы думаете, он сам верит, что вызвал зиму?

Илвар долго смотрел на огонь в печи.

— Он верит, что обязан за неё отвечать. Для Каэля это страшнее любой вины.

Поздно вечером кто-то подсунул под дверь оранжереи жёлтую карточку из каталога. На ней значилось: «Анна Винтерхарт. Зимний сад. Запись последняя». Ни номера полки, ни даты. Только приписка чужой рукой: «Не ищите там, где лёд держит стену».

Элиана не стала показывать карточку Каэлю. Она положила её рядом с рисунком матери. Два разных женских почерка неожиданно показались ей частями одной долгой истории.

Перед сном Элиана разложила лист на столе. На обратной стороне, так бледно, что слова можно было разглядеть лишь при свете свечи, была одна фраза: «Сердце мира не терпит неподвижности».

Её почерк казался знакомым.

Таким писала мать в своём старом блокноте.

ГЛАВА 9

Человек без выходных

Каэль начал бояться не звука трещин под дворцом, а тишины, наступавшей после них. В тишине ему слышался голос отца.

Ему вспомнилось, как Элиана стояла на коленях посреди промёрзшей оранжереи, придерживая рассыпающийся ком земли, и сердито отчитывала иссохшую грушу за привычку умирать без предупреждения. Он тогда задержался у двери дольше, чем следовало, слушая её голос. Не слова — именно голос: низковатый, чуть хриплый после долгого дня, легко переходящий от насмешки к мягкости, когда она обращалась к чему-то беззащитному.

В детстве Каэль представлял будущую любовь как красивую торжественную церемонию, после которой всё наконец станет понятно. Теперь его тревожила нелепая вещь: он привык, что на кухне по утрам кто-то спорит с Агатой о корице, и не хотел возвращаться к прежней тишине. Он пока не решался назвать это чувством. Но обнаружил, что изменил дорогу из кабинета в тронный зал, лишь бы проходить мимо восточных оранжерей.

Пять лет назад он пытался сначала искать ответы. Расспрашивал архимагов, разослал гонцов к старейшинам остальных дворов, спускался в старые тоннели. Каждый шаг приближал его к одному открытию: когда лёд слабеет, под дворцом что-то просыпается. Когда лёд крепнет, жители мёрзнут. Он держал северную землю в оцепенении, словно зажимал рукой рану, которую никто не умел зашить.

С тех пор он позволил себе только одну слабость — раз в месяц ездить к бывшей королевской усыпальнице за восточной стеной. Там, под простым камнем, лежал отец. Из королевских цветов на могиле не осталось ни одного.

В последний визит Каэль обнаружил возле камня веточку зелёного можжевельника.

Он знал, кто её принёс.

Элиану он нашёл вечером у большой карты королевства. Она стояла на стремянке и крепила булавками записки о деревнях, где нужны теплицы.

— Это штаб военной кампании? — спросил он.

— Почти. Только вместо завоевания соседних земель я планирую дать людям петрушку.

— У вас очень скромные амбиции.

— У королевства, которому пять лет не хватает витаминов, петрушка может оказаться революцией.

Каэль увидел на карте новые отметки. Ледяной Брод, Черёмушье, северные шахты, приозёрные селения. Рядом с каждым местом были имена старост и заметки о запасах топлива. Он попытался представить, сколько времени Элиана потратила на разговоры со слугами, возницами и лекарями.

— Вы делаете то, за что я плачу министрам, — сказал он.

— Мне платят за сады. А сады почему-то настаивают, чтобы я обращала внимание на людей.

Она слезла со стремянки и чуть не поскользнулась. Каэль поймал её за талию. Прикосновение получилось неожиданно крепким; ткань её платья смялась под пальцами, а у него вдруг перестало хватать воздуха.

— Осторожнее, — сказал он.

— Попробую. Но вы могли бы не выглядеть так, будто собираетесь вынести мне приговор за неудачное приземление.

Он убрал руки. Её волосы пахли травяным мылом, и этот запах остался с ним на весь вечер.

Элиана попросила его показать старые садовые планы. Каэль открыл закрытый кабинет отца, куда не пускал даже Сорена. Пыльные свитки лежали на столах, возле окна висела карта северных подземных вод, на подоконнике стояли три пустые глиняные чашки.

— Здесь ничего не меняли с его смерти, — сказала Элиана.

— Это удобно. Я всегда знаю, где искать вещи.

— Вы сюда приходите за вещами или за человеком?

Он не ответил. Она и не стала требовать.

Убирая со стола свитки, Элиана нашла детский рисунок. На нём мальчик с серебряными волосами стоял между двумя улыбающимися взрослыми под громадной цветущей вишней. Над рисунком было неровно выведено: «Когда стану королём, сделаю так, чтобы зима приходила ненадолго».

Каэль взял лист очень осторожно.

— Мне было восемь. Я ненавидел надевать три слоя одежды.

— И как же вы потом полюбили зиму?

— Я не полюбил, — сказал он. — Я научился её выдерживать.

Элиана посмотрела на него без жалости, но с таким пониманием, что он почувствовал себя беззащитнее, чем на поле боя. Она ничего не сказала. Только закрыла окно, из которого тянуло морозом, и оставила возле его отцовского стола маленькую лампу.

Пока они разговаривали у карты, за окном сменился караул. Два молодых солдата прошли по двору, согнувшись от ветра. Каэль остановил одного через открытое окно и спросил, когда сменился пост. Солдат растерялся и признался, что стоял почти на час дольше — напарник заболел, а заменить его было некому.

Каэль хотел немедленно вызвать командира, но Элиана спокойно заметила:

— Если вы начнёте с выговора, остальные в следующий раз будут скрывать болезнь.

— Стража должна соблюдать расписание.

— Расписание должно учитывать, что стража состоит из людей.

Принц отпустил солдата, назначив новый отдых, и отправил Илвару записку о пересмотре ночных смен. Затем молча вернулся к столу. Элиана не стала торжествовать. Такие перемены давались ему труднее, чем ей казалось: годами он считал, что стоит ослабить контроль хотя бы на час, и всё рушится.

— Вы не обязаны держать каждую дверь собственными руками, — сказала она.

— Если я отпущу не ту дверь, могут погибнуть люди.

— Тогда научите других её держать. И проверяйте не только замки, но и тех, кто стоит за ними.

Каэль посмотрел на свои пальцы. Сколько раз за последние годы он замечал истощение в себе и считал его нормой? Сколько людей рядом тоже жили так, потому что правитель подавал пример, который никто не должен был повторять?

— У вас неприятная привычка видеть то, что я старательно игнорирую, — сказал он.

— Не волнуйтесь. Я вижу и хорошее. Например, вы сегодня не повысили голос ни разу.

— День ещё не закончен.

— Значит, есть шанс.

В ту ночь Каэль впервые за долгое время лёг на диван, а не уснул лицом в отчётах.

За полчаса до рассвета он всё же проснулся и заметил на краю стола маленький глиняный горшок. Элиана оставила в нём живую веточку душицы, а под горшком — записку: «Если опять решите работать до утра, хотя бы не забудьте дышать». Он перечитал её, как перечитывают слова, смысл которых гораздо больше написанного.

В первый раз Каэль увидел Элиану всего несколько недель назад и решил, что перед ним очередная талантливая, но недисциплинированная исполнительница. Позднее ему пришлось признать, что дисциплина просто имела для неё другое значение. Она приходила в оранжереи раньше рассвета, помнила имена помощников, замечала, у кого протекает крыша и кому не хватает денег на лекарство. И всё это не ради благодарности. Она вела себя так, словно жизнь других людей не была второстепенным делом по отношению к королевской печати.

Его раздражало, как легко она входила в места, из которых он выгнал даже собственные надежды. Ещё сильнее пугало другое: ему хотелось, чтобы она не уходила.

На следующее утро Каэль обнаружил в рабочем расписании сорок минут, которых там быть не должно. Подписанная Сореном пометка гласила: «Осмотр малых теплиц с госпожой Вейл». Принц перечитал строку несколько раз.

— Я этого не назначал.

— Именно поэтому и записал, — невозмутимо сказал Сорен. — Иначе вы снова забудете поесть, а потом будете обвинять кухню в недостатке уважения к короне.

В оранжерее Элиана заставила Каэля держать горшок, пока сама пересаживала хрупкую грушу. Он впервые за долгие годы оказался занят вещью, от которой не зависела безопасность королевства. И оттого совершенно растерялся.

— Нужно расправить корни, — сказала Элиана.

— Я не собирался им приказывать.

— Вы разговариваете так, будто и корни обязаны приносить вам отчёты.

Она вложила ему в ладонь тонкую бечёвку. Их пальцы соприкоснулись. На миг он забыл, что собирался спорить, и заметил маленькую точку земли у неё на виске. В том, как она сдвигала брови, пытаясь завязать узел, было больше жизни, чем во всех придворных праздниках, которые он когда-либо терпел.

— У вас земля на лице, — сообщил он.

— Хорошо. Значит, я занята делом.

Он мог бы убрать её большим пальцем. Вместо этого предложил чистый платок. Она посмотрела на него и улыбнулась, словно поняла его мысль раньше, чем он решился её осуществить.

Вечером Каэль впервые записал в личном календаре не государственное обязательство, а чужую фразу: «Груша примется, если не тревожить корни каждый час». Он не был уверен, что речь шла только о дереве.

Каэль поставил горшок у окна, повернул листья к редкому зимнему свету и поймал себя на мысли не о том, как пережить день, а о том, что сможет рассказать ей за ужином. Эта мысль показалась почти непозволительной. В другом конце дворца Элиана, не зная ни о записке, ни о его бессоннице, размешивала землю и почему-то улыбалась, вспоминая, как он поймал её за талию у высокой полки и внезапно смутился.

Они ещё не умели отличать простое облегчение от начала привязанности. Зато оба уже ждали случайных встреч так старательно, что едва ли их можно было назвать случайными.

ГЛАВА 10

Первый цветок и первый страх

Солнцецвет распустился в половине девятого утра, когда принц проводил совещание с военными. Это был небольшой оранжевый цветок с сердцевиной золотистого цвета. Внутри

его лепестков теплился свет, слишком мягкий для огня и слишком живой для чар обычного светильника.

Элиана позвала Нору, потом Агату, главную повариху, а затем — по неосторожности — Илвара. К полудню перед оранжереей собралась половина дворца. Солдаты стояли рядом с прачками, пожилой библиотекарь снял шапку, как перед святыней, а маленькая служанка спросила, можно ли понюхать цветок.

— Осторожно, он гордый, — сказала Элиана. — Не любит, когда ему дышат прямо в лицо.

Каэль пришёл последним. Толпа расступилась. Его взгляд упал на цветок, и на миг стало видно то, что он обычно прятал: изумление мальчика, перед которым открыли давно запертую дверь.

— Пять лет, — прошептала Агата. — Пять лет не видела настоящих лепестков.

— У него есть имя? — спросил принц.

— Конечно. Солнцецвет.

— Не у вида. У этого.

Элиана задумалась.

— Если вы готовы принять участие в научном обсуждении, я бы назвала его Ваше-Высочество-Наконец-То-Улыбнитесь.

Илвар рассмеялся первым. Следом рассмеялись другие. Принц посмотрел на Элиану с укором, который не вполне скрывал что-то новое.

— Этого названия не будет в отчёте.

— Тогда пусть будет Август, — предложила Нора.

Имя всем понравилось. Цветок гордо расправил лепестки, будто тоже одобрял.

Вечером дворец казался другим. Никто не отменял мороз, но по коридорам начали ходить люди, чтобы увидеть маленькое чудо, и разговаривали друг с другом не шёпотом. Агата испекла пирог с засахаренными яблоками, Илвар приказал доставить ещё стекла для деревенских рам, а Сорен долго стоял возле треснувшей колонны и что-то вычислял в своей записной книжке.

В полночь Каэль спустился в зал древней печати. На полу было восемь кругов льда, соединённых тонкими синими линиями. Семь мерцали ровно. На восьмом появилась полоса тёплого янтарного света.

Принц положил руку на лёд, пытаясь восстановить прежний узор. Под камнем зашевелилось нечто тяжёлое.

— Ты открыл щель, — прошелестел голос снизу.

Каэль стиснул зубы.

— Ты не выйдешь.

— Ты говоришь так каждый год. Но ты устал.

Синий огонь разгорелся до белизны. Когда принц поднялся, левая рука у него дрожала, а по рукаву тянулась новая полоса инея.

Он вернулся в кабинет и написал распоряжение запретить дальнейшие посадки в центральной части оранжереи.

К утру письмо лежало на столе Элианы. Она прочла его, смяла в ладони и пошла искать принца.

— Вы не можете радоваться первому живому цветку, а потом велеть уничтожить всё, что может вырасти рядом! — сказала она, едва переступив порог кабинета.

— Я ничего не приказывал уничтожать.

— Только остановить работу. Для растения это иногда одно и то же.

Каэль сидел за столом бледнее обычного. Элиана заметила странную скованность его левой руки.

— Вам больно?

— Это не относится к делу.

— Прекрасный ответ. Особенно если вы намерены в ближайшие недели падать в обморок среди государственных бумаг.

Он встал слишком резко, и комната качнулась. Элиана успела подхватить его за предплечье.

— Сядьте, — сказала она тихо. — Не как садовница принцу. Как человек человеку.

Он подчинился. Впервые — без спора.

ГЛАВА 11

Человек, которого надо согреть

Целительница дворца, сухая женщина по имени госпожа Ренн, вынесла вердикт: магическое истощение, переохлаждение внутренних потоков и хронический недостаток сна. Принц объявил диагноз выдумкой. Целительница предложила проверить его мнение после десяти часов отдыха.

— Десять часов? — возмутился Каэль. — У меня на завтра восемь совещаний.

— Значит, ваши министры получат редкую возможность принимать решения самостоятельно, — ответила она.

Элиана присутствовала при осмотре только потому, что принц задел рукой горшок с молодыми растениями и все они на секунду покрылись инеем. Она не знала, можно ли помочь человеку, чья магия была похожа на огромную застывшую реку, но чувствовала, как этот холод истощает его самого.

— А если сделать компресс? — спросила она.

— На королевскую магию? — фыркнула Ренн.

— На королевского идиота, который не отдыхает. Обычный компресс, хороший суп и тёплая постель.

— Я ещё здесь, — сказал Каэль.

— Очень удачно. Вам не придётся далеко идти.

Его уложили в спальне. Сорен принёс документы и хотел разложить у изголовья, но Элиана выставила управляющего за дверь. Каэль наблюдал за этим с выражением опасного любопытства.

Прежде чем уйти, госпожа Ренн задержала Элиану возле двери. Она была старше обоих и видела при дворе достаточно страстей, чтобы не путать заботу с вмешательством.

— Вы ему нравитесь, — сказала целительница без всякой деликатности.

Элиана чуть не уронила кружку.

— Меня наняли восстанавливать оранжереи, а не обсуждать романтические склонности его высочества.

— Я умею отличать влюблённость от болезни. У него обе проблемы.

Элиана хотела возразить, но Ренн продолжила:

— Он вырос среди людей, которые всё решали за него, а потом внезапно должен был решать за всех. Поэтому ваше несогласие для него так непривычно. Только не пытайтесь вылечить его собственным характером. Отвечать за его взросление он должен сам.

Слова задели Элиану сильнее, чем она ожидала. Она действительно всё чаще ловила себя на желании исправить принца: научить его смеяться, отдыхать, говорить правду. Но человек не был растением, которое достаточно пересадить в подходящую почву. У него была собственная воля, собственная боль и право меняться не по её расписанию.

— Тогда что я могу сделать? — спросила она.

Ренн кивнула на кружку.

— Сейчас? Дайте ему лекарство. А потом живите своей жизнью. Это полезнее любой героической жертвы.

Элиана запомнила совет, хотя впереди ей предстояло нарушить его не один раз.

— Вы всегда изгоняете моих министров из моих покоев?

— Только когда они пытаются прикончить меня отчётами вместе с пациентом.

Она развела в маленькой медной чашке настой горного шалфея и попросила его выпить. Он возмутился, что напиток пахнет травой, будто это оскорбление растения. Потом всё-таки выпил.

Постепенно вечер сгустился. За окнами шёл снег, в камине потрескивали дрова, приглушённые защитным экраном. Каэль лежал с закрытыми глазами, но Элиана видела, что он не спит.

— Почему вы никогда не зовёте кого-то на помощь? — спросила она.

— Я зову. Есть советы, генералы, целители.

— Это не то же самое.

Он некоторое время молчал.

— Отец однажды сказал, что правитель может уставать только наедине с собой. Иначе люди испугаются.

— Ваш отец, возможно, ошибался.

Каэль открыл глаза.

— Никто здесь не говорил мне этого раньше.

— Тогда у вас было недостаточно упрямых знакомых.

Он усмехнулся. Едва заметно, но теперь Элиана была уверена, что это не случайная судорога мышц.

В половине десятого он наконец уснул. Элиана собиралась уйти, но во сне принц произнёс отчаянное, хриплое «отец» и потянулся рукой в пустоту. Она взяла его ладонь. Ледяные пальцы замкнулись вокруг её руки, и он успокоился.

Элиана просидела так до полуночи, рассказывая шёпотом историю о старом яблоневом дереве на южном склоне, которое давало плоды только после грозы. Она не знала, слышал ли он. Но когда собиралась встать, Каэль, не открывая глаз, сказал:

— Не уходите пока.

Она осталась ещё на час.

Когда поленья осели в камине, Каэль ненадолго открыл глаза. Он смотрел куда-то мимо неё, не вполне проснувшись, и едва слышно спросил:

— Уже весна?

Элиана сжала его руку, прежде чем успела решить, имеет ли на это право.

— Пока нет.

Он вздохнул. По его лицу прошло разочарование, слишком старое для двадцатидевятилетнего мужчины. Элиана хотела пообещать ему весну — настоящую, с талой водой и запахом земли, — но обещать то, в чём сама не была уверена, казалось жестоким.

— Зато у меня появился новый росток, — сказала она. — Он крошечный, ужасно капризный и отказывается расти, когда на него кричат. Напоминает кое-кого из моих знакомых.

Каэль неожиданно тихо засмеялся. Он ещё не проснулся окончательно, но тянулся к её голосу, как человек, который находит дорогу домой по свету одного окна.

— Вы всё время спорите, — пробормотал он.

— А вы всё время делаете вид, что вам это неприятно.

Он не ответил. Утомлённые пальцы лежали в её ладони без привычного напряжения. Элиана принялась разглядывать его лицо, которое днём всегда казалось недосягаемым. Теперь на нём отчётливо виднелись тени под глазами, маленький шрам у скулы и усталость, которую не спрятать за королевским камзолом. Ей захотелось убрать прядь серебристых волос с его лба. Она сделала это осторожно, один раз, и больше не прикоснулась.

У дверей появилась Нора, намереваясь забрать пустые чашки, но остановилась. Элиана приложила палец к губам. Девушка молча подложила дров в камин и исчезла.

В ту же ночь Каэль не смог уснуть. Он вышел в соседнюю комнату и увидел у изголовья кресла, где ещё недавно сидела Элиана, оставленный ею шарф. Тёмно-зелёная шерсть пахла яблоками и дождём — запахами, которые Зимний дворец почти забыл.

Мог бы вызвать слугу и приказать отнести вещь хозяйке. Вместо этого сел, держа шарф на коленях, и невольно вспомнил другой вечер. В тринадцать лет он проснулся после похорон матери и не нашёл никого в пустой детской. Отец был на совете. Слуги считали, что королевскому сыну полезно побыть одному. Сорен тогда явился с книгой и сказал, что сильные мужчины не плачут при свете.

Каэль выполнил этот совет слишком буквально. Он научился не плакать даже в темноте.

Теперь девушка, которую он знал всего несколько недель, сидела рядом с ним, когда было страшно. И не требовала ни благодарности, ни обещаний. Самой пугающей оказалась надежда: возможно, близость не всегда кончается потерей.

Утром он отдал шарф Элиане лично.

— Вы забыли, — сказал он.

— А вы хранили?

— Он мешал проходу.

Элиана оглядела совершенно свободный коридор и не стала разоблачать его. Только взяла шарф, коснувшись пальцами его запястья.

— Спасибо, Каэль.

Он ещё долго стоял на месте после того, как она ушла. Ему было неловко от собственного имени, произнесённого этим голосом, и он с удивлением поймал себя на желании услышать его снова.

На обратном пути к себе Элиана долго смотрела на собственную руку. От его кожи на пальцах сохранилась прохлада, однако воспоминание почему-то грело. Её пугало не то, что она пожалела одинокого человека. Жалость легко отличить от любви. Её пугало желание однажды увидеть его отдохнувшим и счастливым — и знать, что он позволил ей остаться рядом, когда это случится.

К обеду Нора принесла в комнату Элианы два больших тёплых одеяла — точные копии тех, что лежали на кровати принца. Он ничего не объяснил. Но в этот раз она не нуждалась в объяснении.

ГЛАВА 12

Забытая аллея

Ещё через неделю Элиана обнаружила ключ от маленькой калитки за западной галереей. Калитка вела в аллею лип, о которой говорил Каэль. Там деревья стояли, как посеребрённые статуи, и снег был мягким, неестественно глубоким. Между стволами висели деревянные фонари; один был разбит, другой накренился.

На самом дальнем дереве кто-то вырезал две буквы: К и А. Элиана провела по ним пальцами и услышала хруст снега за спиной.

— Вам нравится нарушать границы, — сказал принц.

— В договоре ничего не было о липовой аллее.

— Это старое место.

Он подошёл к дереву, посмотрел на буквы и неожиданно опустился на поваленный ствол, стряхнув рукавом снег.

— Анна, — сказал он. — Моя мать. Мы посадили эту липу, когда мне исполнилось десять. Она умерла три года спустя.

Элиана села рядом, оставив между ними приличное расстояние.

— Моя мать умерла, когда мне было восемь. Я долго верила, что если смогу вырастить цветок, который она держала в руках в последний день, то она придёт посмотреть на него.

— И вырос?

— Да. Цветок. Не мама.

Каэль повернул голову. Она не улыбалась, но и не плакала. В её лице была печаль, пережившая много весен.

— Сожалею.

— Я тоже.

Они сидели под липой и смотрели, как снег медленно заполняет следы. Потом Элиана вытащила из кармана две маленькие булочки, завёрнутые в салфетку.

— Украла на кухне. Агата сделала вид, что ничего не видит.

— Вы крадёте у моего повара?

— У вашего повара невозможно украсть. Она всё заранее знает.

Он взял булочку. На какое-то время они стали просто двумя людьми на поваленном стволе посреди зимы.

Ветер поднял с дорожки горсть сухого снега. Каэль привычным жестом заслонил от него Элиану. Она заметила это и укоризненно посмотрела на принца.

— Вы собираетесь защищать меня даже от погоды?

— От ветра, если потребуется.

— А если я предпочту идти сама?

— Тогда, вероятно, последует подробная лекция о праве самостоятельного передвижения.

— Очень хорошо, что вы начали запоминать материал.

Он отвёл глаза, скрывая улыбку. Элиана смотрела на старую липу, на вырезанные буквы и пыталась представить мальчика, который когда-то ждал здесь мать. У дворца был странный способ хранить воспоминания: портреты висели в рамах, письма запирались в шкафах, а любовь оставалась в деревьях и привычках, от которых не отказывались даже после смерти близких.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — мама научила меня различать деревья по стуку дождя по листьям. У лип звук мягче, чем у клёнов. Я до сих пор слышу её голос, если стою в саду после грозы.

— Я почти забыл голос матери, — признался Каэль. — Помню, как она поправляла мне воротник. Помню запах её духов. А слова... как будто снег их занёс.

Элиана впервые заметила, как трудно ему даётся даже эта короткая фраза. Он не смотрел на неё: большим пальцем водил по тонкой трещине в коре липы и старательно держал спину прямой. Но в уголке его рта что-то дрогнуло. Он словно боялся, что стоит опустить плечи — и всё, что удерживал пять долгих лет, рухнет вместе с ними.

— Я тоже забывала, — ответила она после паузы. — Иногда вдруг вспоминала смех мамы в каком-нибудь чужом голосе и целый день ходила за этим звуком. А потом ругала себя, будто предала её за то, что услышала не сразу.

Каэль повернулся. В серо-голубых глазах стало меньше привычного льда, больше растерянности. Элиане захотелось взять его за руку, но она не была уверена, что он выдержит утешение на глазах у собственных воспоминаний. Поэтому придвинула к нему вторую булочку.

— Держите. Когда человек голоден, ему особенно трудно переживать прошлое.

— Вы лечите все раны выпечкой?

— Только те, против которых бессильны королевские указы.

Он взял булочку, и их пальцы ненадолго соприкоснулись. Обычная случайность, не более. Однако она ещё несколько минут чувствовала холодок его кожи в собственной ладони и

понимала, что границы, которые он так тщательно охраняет, начинают значить для неё больше, чем простое любопытство.

Элиана не стала утешать его тем, что воспоминания обязательно вернутся. Она отломила веточку засохшей липы, осмотрела живую сердцевину и вложила в его ладонь.

— Это дерево всё ещё здесь. Когда-нибудь оно снова зашелестит. Возможно, вы не услышите те же слова. Но сможете рассказать о ней кому-то, кто их ещё не знает.

— Мама выращивала в западной оранжерее особенные белые цветы, — сказал Каэль после долгого молчания. — Она называла их сердцецветами. Говорила, что они не терпят ни приказа, ни притворства. Отец считал это красивой легендой.

— А вы?

— Я считал, что красивые легенды портят воспитание будущих королей.

Элиана взяла из его ладони сухую липовую ветку и увидела на срезе живую зелень.

— Похоже, будущие короли и без легенд отлично справляются с порчей собственного воспитания.

Каэль неожиданно рассмеялся. Потом смех исчез: он смотрел на дерево, у которого до сих пор можно было различить две вырезанные буквы.

— После её смерти отец велел закрыть зимний сад. Сказал, что оранжерея подтачивает защиту замка. Я возненавидел его за это. А потом сам запер всё остальное.

— Возможно, он чего-то боялся. Страх не оправдывает поступок, но объясняет, с чего начать разбираться.

— Вы говорите о моём отце так, словно его ещё можно спросить.

— Нет, — тихо ответила Элиана. — Но можно найти то, что он не успел вам сказать.

Каэль отвёл взгляд. К тому времени Элиана ещё не знала, что мать принца прятала в саду не только память о себе. И что её муж, пытаясь предотвратить гибель сына, приказал уничтожить именно те записи, которые могли этот сад пробудить.

Каэль смотрел на веточку с выражением человека, получившего драгоценность, которой не просил. Ей внезапно захотелось коснуться его щеки; от этого желания стало так непривычно тихо внутри, что она отвернулась первой. Садовнице не следовало воображать, будто ей известно, что происходит в сердце принца. Но сердце женщины, которая слушала его, уже начинало выдавать её.

— Вы когда-нибудь думали уехать? — спросила Элиана.

— Куда?

— Туда, где есть дождь. Или ветер без снега. Или хотя бы в сад, который не приходится откапывать от льда.

— Если я уеду надолго, печать ослабеет.

Он сказал это слишком быстро. Элиана замерла.

— Какая печать?

Каэль сжал булочку. Крошки рассыпались по рукавице.

— Я не должен был этого говорить.

— Но сказали.

В ветвях дерева вдруг зазвенели ледяные листья. Каэль поднялся.

— Прошу вас, Элиана. Не ходите в старые подземелья и не трогайте узоры, которые найдёте на стенах. Мне нужно, чтобы вы были в безопасности.

Он произнёс её имя впервые без «госпожа». Оно прозвучало неожиданно мягко. Элиана уже приготовила язвительный ответ, но забыла его.

— Тогда перестаньте обращаться со мной как с человеком, которому нельзя доверить правду.

Каэль смотрел на неё долго и устало.

— Я пытаюсь, — признался он.

Она не догнала его, когда он ушёл. Ей стало ясно: если захочет приблизиться к нему, придётся научиться ждать тех слов, которые он ещё не готов произнести.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Сердце зимы

———— • ————

ГЛАВА 13
Гость из Весеннего двора

Принц Адриан Верден прибыл в Зимний дворец с шестью экипажами, двумя дипломатами, одной цветущей яблоней в кадке и убеждением, что улыбка открывает двери лучше любого ключа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.